

Когда заходит речь о том или ином поэте, в сознании возникает лёгкий смысловой и чувственный абрис мира, в котором действуют его лирический герой и все другие персонажи, светлые и тёмные. Всплывают оттики предметов, наполняющих строки стихотворений автора. И, словно электрические контакты, в соприкосновении с действительностью «искрыт» нравственные постулаты, сшивающие токопроводящими жилами — мысли и переживания художника, его негодование и благородный сердечный порыв.

Примерно так читатель воспринимает «литературное факсимиле» поэта. Чёткое и оригинальность этого творческого отпечатка у каждого пишущего своя. Так же, как и тающаяся в словах непостижимая сила, способная развернуть очерк индивидуального художественного мира в собственно поэтический космос — до конца необъяснимый и неисчерпаемый, по определению.

Геннадий Ёмкин живёт в городе Саров Нижегородской области. Эти места связаны с именем великого русского святого Серафима Саровского, а также с историей создания советского сверхоружия — ядерной и водородной бомб. Парадоксальное сочетание этих двух смыслов, прикреплённых не только к земле, но и к воздуху, воде и самому Небу, непременно должно было отразиться в поэтических строках автора, обладающего твёрдой мужской волей, ясным образным мышлением и обострённым чувством справедливости.

Однако отражение это на деле оказалось совершенно не буквальным. Оно соединило в себе духовные устремления поэта к святости и простоте, искренности и верной любви — с его внутренней стойкостью воина, родовой памятью, способностью к поступку, который обеспечивает истинность произсённого и написанного лирического слова.

В биографической справке Геннадия Ёмкина обычно подчёркиваются скупые вехи: служба в Афганистане и три сборника стихотворений. Между тем он не стал певцом военной темы (как, скажем, Виктор Верстаков), не превратился в лирика-трибуна, не пошёл по чисто литературной тропе, наполняя стихотворные этюды пейзажем, характерностью, бытом. Сокровенный человек в нём переплелись всё пережитое, соединили с древними интуициями, с православным подвижничеством и жертвенностью — и явил читателю художника глубокого, страстного, истинно русского, способного сопрягать наглядное с метафизикой бытия. А упомянутый литературный антураж оказался включён в его поэтический мир на общих правах — в свою очередь помогая поэту высказываться широко, не возноситься над ближним и не забалтывать высокие слова.

В 2010-м была издана книга Ёмкина «Княжий щит», в 2014-м — «Земное ремесло», за последние годы написаны и опубликованы многие стихотворения, в которых образ автора проявился по-новому. Кажется, он вместе с воздухом полей и лесов способен теперь охватить куда более широкие пространства. Вместе с тем взгляд его стал острее, слух отчётливей — лица современников, их говор и чаяния в стихах поэта приобрели ту проникновенную убедительность, которой отличаются персонажи на полотнах художников-передвижников.

*Я жизнь принёс, Отчизна! Не отринь.
Она для тех, кто говорит не всуе,
Она для тех, кто истинны взыскует
И не хулит отеческих святынь.
А вот душа. Её возьмите те,
Кто на краю, потерял и страдает.
Пускай она свячою тонкой тает,
Но светит тем, кто брошен в темноте.
Вот кровь моя, возьмите, Времена!
Я кровно перед Родиной в ответе.
Быть может, ей напишут наши дети
Святые на знамёнах имена.
Вот кровь, душа, и жизнь моя, и память.
Возьмите всё! Мне нечего добавлять.*

Ёмкин говорит всё то, что может встретиться в разных вариациях и у других поэтов. Словарный состав этой вещи не оригинален, но вот что существенно: в каком-то ином стихотворении может отсутствовать один из обозначенных смыслов, сочетание их окажется непохожим, даже порядок произнесения будет не тот. И исчезнет иерархия, в соответствии с которой устроена внутренняя жизнь автора, пропадёт почерк и интонация. А ведь именно они определяют духовные черты художника и помогают собеседнику уяснить, что за человек находится перед ним, что стоит за его речами. Потому-то процитированные стихи представляются как бы авторизацией поэта, образно говоря, его личностным «дактилоскопическим» оттиском.

В поэтическом письме Геннадия Ёмкина есть едва уловимая «негладкость» стихотворной строки. Она присутствует в его произведениях всегда и характеризует «художественное произношение» автора. Было бы неправильно видеть в этом некую умственную ёмкинскую слога в ущерб музыке. Перед нами — та черта, которая делит мысль и поющий звук в авторской пропорции. Это фотонический облик поэта, его не повторяемая никем другим способность говорить и петь с ясным сознанием того, где уместна сухая речь, а где — летящее слово, соприкасающееся с песней. Подобный литературный язык продиктован как горькой душой автора об изнанке жизни, так и его упрямой верой в красоту мира, изначальную чистоту сердца, в любовь, что движет солнце и светила.

И ещё — в непостижимый и многострадальный русский народ...

У Ёмкина правда мужицкая намного ближе словам Спасителя, нежели государственные уклонения. И разбойные имена подчас содержат в себе зерно Христовой Истины, втиснутой в рамки земной свободы и справедливости. Разумеется, это «относительная правда». Однако — живая и народная, то есть межличностная, общая и древняя.

*Когда набатный колокол удел,
Тогда, крестясь на хаты и иконы,
Он брал топор.*

*Раскачивались троны,
Когда мужик вставал за свой удел!*

*...И дым, и лязз, и ржанье коней!
По хатам вой, и плач, и шёпот бабь.
Сошлись правды.*

*Царская — сильней.
Мужицкая — правее и кровавей...
О том набатный колокол удел,
Когда, рванув исподнюю рубаху,
Мужик за правду восходил на плаху,
За волю, за землю, за удел.
И, кланяясь последний раз кресту,
Калеченный уже, кричал народу:
— Мужик — Рассеи царь и воевода! —
И ближе был, чем оные, Христу.*

Бунтарь на лобном месте кланяется в последний раз кресту. А значит — не отделив себя от Небесного смысла, воспринимая воплотившего Бога как Царя обездоленных.

Стихи Геннадия Ёмкина отличаются удивительно чистой интонацией, которая характеризует автора ещё и как человека. У читателя не возникает ни малейшего сомнения в том, о чём плачет и за что вступается поэт. Едва заметная дистанция, которой литература отделила от собственной жизни, здесь отсутствует. Напротив, стихотворные строки сращены с жизнью настолько плотно, что иные отвлечённые суждения в таком контексте никак не утрачивают видимых корневых нитей, которые связывают интеллектуальное пространство — с реальным, тёплым и кровавым, учащённо дышащим: «Родина — понятие конкретное, / А не поэтическая блажь!». В стихотворении, посвящённом Иванам, не помнящим родства», портрет беспамятного человека с мелкой душой замечательно точен:

*Я вчера оплакивал родню,
Родину оплакивал и совет.
А сегодня лыблюсь и стою,
Ни об чём таком не беспокоясь.*

Вячеслав ЛЮТЫЙ Золото и медь Интонация стихотворений Геннадия Ёмкина

Между тем, конфликт-противостояние ума и души, столь свойственный поэтическому творчеству, высвечивается и в ёмкинских стихах. Разум даёт им звёздам, однако на самом деле звёзды хранят наивного человека, то есть подчинение тут совсем другое: «Усни, могучее сознание! / Душа внимает небесам» («В лесу осеннем»). Отдавая первенство чувству, интуиции, поэт не боится быть по-житейски простым. Говоря о набатном колоколе, он бесзвучно роняет, будто речь идёт о каком-то знакомом человеке: «сколько у него родни, а смотри — не зазвезает». Это свойство поэта очеловечивать окружающий мир отчётливо обозначил ещё Блок, и с тех давних пор оно стало приметой русской лиры. Именно потому отечественная муза, останавливая свой взгляд на чём-то мимолётном, видит нечто значимое, а порой — и знаковое, сокровенное.

В мартовской пуже чешет грудку сизый голубь, мимо спешат прохожие, «а я отчего-то встал. / Голубь... — подумал, — все же... / Ишь, как заворковал!». Природа и Небеса, уставшая душа и яркий весенний свет, поселяющий в сердце надежду — здесь многое сосредоточено в образе, выхваченном из повседневности острым зрением художника. В сюжетах Ёмкина любовь к земному миру отличается нежностью, но роль Неба значительнее: удалённая от мирской суеты и тягот инстанция будто придаёт человеку духовную форму, держит его нравственные контуры, дабы он не потерял собственных живых очертаний, не превратился в грязь или чудовище.

*Ужели поздно песни петь
И позднее аукать счастье,
А это золото и медь —
И есть последнее причастье?
Ну, что же, ветви всех берёз
Меня оплатят, слава Богу.
А небо высушит дорою
И лица, мокрые от слёз...*

Даже единственный полёт к земле срубленного дерева, «бронзового чуда», происходит «не отводя от неба глаз»...

В проникновенном стихотворении «Не плачь» внутренний взор автора сосредоточен на той черте, где сердце ещё откликается на родные голоса, «но смутный впереди покров нем приоткрыт неотвратимо». Пространство духа, в котором царят верность, мужество, справедливость и товарищество, между тем, лишено знакомых штрихов отчего края — мимолётных и щемящих душу своей беззащитностью: «там... солнце холодно и мглисто».

*О, там другие времена!
Другие звёзды и объять!
И там другие стремени
Ушедшие готовят братья.*

Тонкий метафизический мир у Ёмкина очень часто не высвечивается как подложка действительности, но словно бы накладывается на реальную картину с некоторым сдвигом — дабы произошло сопоставление здешнего и надмирного. Эти два чувства — тяга к Небу и нежность ко всему земному — отличительная черта ёмкинской лирики. В какой-то степени тут наглядна сама природа человека — двусоставная: телесная и душевная. Не становясь воителем тонких пространств окончательно, лирический герой продолжает быть ратником зримых сражений, одухотворённым и ранимым. Кажется, он стремится выполнить собственную человеческую миссию: пройти жизненный путь и приуготовить себя к последующему бытию.

Этот несколько абстрактный тезис в стихах Ёмкина воплощён с удивительной рельефностью. Люди и земля противоречивы, но достойны понимания и сочувствия, жалости, негодования — и какой-то широкой, необъяснимой во всех своих мотивах любви. «Высокий», вышший мир придаёт смысл душевным терзаниям, самим своим существованием он вжив-

ляет в сердце состояние непрекращающегося диалога. Для одних такой диалог звучит постоянно, для других — по обстоятельствам, а то и никогда. В стихотворениях Геннадия Ёмкина диалог земли и Неба оказывается фундаментом, на котором выстроено художественное здание его поэтики.

Заметим: в отличие от многих стихотворцев эгалитарной эпохи, испытывающих нужду только в слушателе, истинному поэту нужен ещё и собеседник — в какой-то степени соборат по мирскому пути. Речь идёт о собеседнике «провиденциальном», в котором объединены знание о земной почве и прозрения духа.

И в этом контексте Ёмкин следует классической линии русской поэзии, которая была чётко обозначена век тому назад Мандельштамом.

*Когда иду под шумным сводом сосен,
Я не могу избавиться от чувства,
Что светлый мир порой настолько грозен,
Насколько сердцу во вселенной пусто.
Я видел, как деревья умирают,
Я к смерти многих даже был причастен.
Я видел то, как люди выбирают
Красивых самых, режут их на части.
Скажите мне, что этот мир не грозен,
Что он хранит любовь во вселенной;
И я скажу: — Я видел слёзы сосен,
Я слышал плач берёзы убитенной.*

Три фигуры образуют круг, где идёт напряжённый разговор, ни на минуту не прекращающийся: реальный поэт — Небо, звучащее в его душе, — собеседник, к которому обращены стихи и который своими словами может пересказать волю Небес и чаяния простолюдина. И читателю становятся понятными и близкими «земные братушки» — сподвижники Степана Разина, «полуангелы в армиях», упоминающие на облаках прежнюю волюшку. И старичок-домовой из народных поверий, что «звенят мохнатым ртом», глянёт на лампадку, стоящую перед иконой, «и покрестится потом». И полёт малчаливого ворона, ожидающего героя у последней черты, где будет разделено «поворну всё, что было в судьбе»: тело — мрачной птице, «остальное» — запредельным князьям. И страстные слова измученного сердца, обращённые к Создателю: «...Архангелов! Архангелов на землю! / Пришли с мечом и праведным огнём!».

Древняя Русь, пронизанная чувством рода и окружающих стихий, у Ёмкина соседствует с Русью Святой, неотделимой от нравственного закона и от самого имени Христа Спасителя. В этом нет сердечной неразборчивости, напротив — перед нами воплощение народного стремления обрести полноту собственной истории — как событийно-хронологической, так и чувственной, когда спасение души не противоречит пониманию и восприятию природы, в которую телесно вписан русский человек. Потому-то в ёмкинских стихах и народная поэзия находит своё очередное яркое воплощение, отблескивает ритмом и интонацией, образными приёмами и характеристиками героев.

*То ли выдались ночи соловьи,
То ли что-то другое не в счёт,
Но Наталья идёт в обнове
И коса по плечу течёт.
В сарафане — таких не сыщешь!
Изумруды в глазах — до дня!
Есть другие, наверно, тыщи,
Но такая идёт одна!*

*Ах, Наташенька, свет Наталья!
Что задумалась на пути?
А один-то, один — охальник,
Ой, как свистит! Иди, иди...
Для того-то и ночи соловьи,
Чтобы с мильом до утра быть.
Оттого и трава шелковой,
Чтобы косыньку распустить.*

У Ёмкина бытовая, разговорная речь сопутствует высоким понятиям и приближает отвлечённое к повседневности. Тем не менее, его стихи по-мужику очень сдержанны. В них нет бабьего нытья, скуки, перебирания предметов внешнего мира в попытке избыть одиночество и скрытый страх перед смертью — равно как и заупокойных мотивов, связанных с тяжкой долей России и распространившихся в минувшие десятилетия подобно эпидемии. Называя себя наследником древних «канувших племён», лирический герой признаётся: «Я в Небесах ещё не вижу знака, / что русский дух к забвению обречён».

Притом автор с состраданием наблюдает за странным худым стариком, который «стучит ногою деревянной куда-то к свалке городской». Рядом с иными отверженными каляками, никому не нужный «в чреве атомного века», он умрёт — как уснёт. «Исчезнет русский человек», — с горечью роняет поэт, повторяя древний вопль многострадального Иова: «И не доносится до Неба, / Как в землю он ногой стучит».

Наблюдая роковое движение событий, словно евангельский апостол, он признаётся: «слезами не омоешь это время...».

*И в небесах архангеловы трубы
Ещё молчат. Но им известен срок.*

В стихах Геннадия Ёмкина лирический герой кажется то проводником, то хранителем минувшего, однако он совсем не похож на харизматического мудреца. В его строках много живой теплоты, мягкой улыбки, пейзажных примет, трепетания сердца от радости, печали, гнева, любви, скорби. И ещё — долгая дума о родной земле, о русском человеке в его подвиге и слабости.

Образ землепловца, возникающий перед глазами читателя, удивительно демократичен, в нём нет «цеховых» примет литературной ботемы. И такая близость его каждому искреннему человеку, наделённому поэтическим слухом, перетекает в стихи, у которых нет тематических границ. Ведь их создатель — как ты и я, только он хранит и раздаёт слова.

*Жил человек. Свободный словно ветер.
Хранил слова и снова раздавал.
И в них он вечно будет жить на свете,
Его Господь на то поцеловал.*

«Я — Бамут! Я — Бамут! Передаю координаты цели...» — раздаётся в эфире настойчивый голос взводного, наводящего противника. Однополчане командира не единожды улавливают в неприятельских переговорах по радиации раздражённые голоса: «Да уничтожьте вы этого Бамута! Найдите, перехватите!».

А он ходил к линии соприкосновения чаще всего один, стараясь не рисковать лишней раз жизнью своих подчинённых. Местность знал до малейшего кустика. Имев блестящую спортивную подготовку и навыв легко обходиться без самого необходимого, умел оставаться и днём и ночью невидимым, неуловимым.

Менее чем за год до решающего сражения 25-летний лейтенант гвардии, только что получивший новое звание, уже командовал разведвзводом, став для своих бойцов, в силу необычайно светлого, позитивного характера, и другом и братом. Несмотря на молодость, умел брать на себя ответственность и вести за собой.

«Нас во взводе 18 человек, ели, что называется, из одной чашки, пили из одной кружки, очень дружный взвод, братский», — вспоминал тяжело раненный в том бою сержант ВДВ Евгений Берёза. Благодаря ему и стали известны подробности последнего боя Александра Полова, из которого бесстрашный комзвода вышел уже Героем России. Посмертно...

«Патриотизм — это страстное до ярости чувство своей огромной Родины, за которую человек готов драться и отдать жизнь...» — сказал Валентин Пикуль. Многие воины гибнут сегодня за Родину, и все заслуживают нашей благодарной памяти. Но всё-таки бывают какие-то особенно яркие биографии, в которых безошибочно усматриваем волю Божию. И заключаем, что она, кажется, в том, чтобы явить нам эту судьбу в качестве положительного образца, некоего вразумляющего примера — от самого рождения и до последнего земного вздоха того, кто уходит на небеса Героем. Да, именно Героем с большой буквы, не литературным, а настоящим.

Именно о таком человеке написана новая документальная книга камчатского писателя Александра Шмизилева «Позывной "Камчатка"». Очерк о жизни и подвиге Героя России Александра Полова. Книга подобного свойства написана в России впервые. Без малого год длится специальная военная операция на Украине, но пока что нет книг о современных героях этой войны. Благодаря особенной любви камчатцев к своему краю и признательности к тем, кто стал честью и славой Камчатки, гвардии старший лейтенант Александр Попов первый удостоился книги о своём подвиге.

О книге «Позывной "Камчатка"» поначалу даже и не представлялось, что сказать. Кажется, информация дана исчерпывающая (вещь-то документальная), и твои «лирические отступления» тут ни к чему. «Очерк о жизни и подвиге Героя России...» — такой подзаголовок сразу «дисциплинирует», настраиваешь на суровое бесстрастное чтение. Однако фото на обложке внезапно останавливает внимание, и смотришь на него чуть дольше, чем можно смотреть на портрет чужого человека. Собственно, с этого портрета всё и начинается. Книга неожиданно оживает и, будучи ещё закрытой, уже начинает говорить. Она стремительно становится родной.

А всё потому, что герой, хоть и устрашающий автомат у него в руках, и радия на плече, и гранаты в кармачках бронжилета на груди, — смотрит так спокойно, открыто, даже чуть удивлённо, что и сам в удивлении застынешь и уже с пристальностью психолога начинаешь изучать это лицо. Что за человек? Где он родился, и кто были его родители? Какие края напители душу его впечатлениями, из которых выросла героическая судьба?

Ни тени надменности, самоуверенной жёсткости, не говоря уже о жестокости; ни даже малейшего оттенка самодовольства во взгляде, какой иногда проскальзывает в лицах мужчин, уверенных в своей силе и правоте. Герой доброжелательно смотрит из глубины живых, по-настоящему спокойных, будто уже ведающих все тайны земные, но оттого ещё не уставших глаз. Как-то сразу высвечивает — уже кажется тебе — весь его облик эту будущую готовность к жертве, к самоотдаче, эту потаённую до времени любовь, что двигает горы и берёт города...

...И чем пристальнее всматриваешься в эти светло-голубые глаза, тем отчётливее тепло ответного взгляда, тем очевиднее для тебя факт, что этот человек — жив! Он по-прежнему в боевом строю и по-прежнему мужественно защищает те отеческие горизонты, что сияют кромок древесных вершин у него за спиной...

*Позывной "Камчатка"!
Наш взводный Сая...
Где-то между небом и землёй
Мы за тобой!*

Книга прозы Олега Яценягорского (настоящее имя Игорь Ширманов) «Отблески жизни на грешной земле...» — открывает читателю многогранного, самобытного писателя... Почему многогранного? — Да, кажется, невозможно найти то, что он не сделал бы объектом пристального изучения в своём творчестве...

Прежде чем говорить о творчестве — необходимо сказать несколько слов о самом писателе. Ширманов Игорь Александрович юрист с 40-летним стажем: следовательно по особому важному делу, адвокат, до сих пор занимается судебной практикой. Литературным творчеством занялся сравнительно поздно — достигнув 45 лет. Он — автор 12 книг. Его творческой манере присущи такие эпостасы, как «Размышления с вкраплением социальной сатиры», «Теленок и демократия. Злая социальная сатира», «Ангелы не умеют смеяться», «Беседы с персональным Хранителем». За прошедшие годы Олег Яценягорский в числе прочих опубликовал и такие сборники: «Торговля смыслами и другие рассказы» (2005), «Безумные известия...» (2005), «Бесконечность в особенном: философская проза и рассказы для молодых юристов» (2006), «Чужие маски, собственная жизнь...» — сборник рассказов и миниатюр (2013), «Путешествие по скрытой части айсберга» (2015), «Ангелы не умеют смеяться, и другая печальная проза» (2017). В 2013 году Олег Яценягорский был принят в члены Союза писателей России.

В 2019 году вышел сборник избранной прозы «Отблески жизни на грешной земле». О нём и пойдёт разговор.

На страницах книги прозы «Отблески жизни на грешной земле...» кого мы только ни встретим! Тут и художники, которые упорно ищут свой неповторимый творческий путь; и молодые юристы, делающие первые шаги в своей профессии и впитывающие мудрость жизни, слушающая воспоминания людей, прошедших сквозь огонь, воду и медные трубы (как, например, в рассказе «Мост»); и замечательный, искря-

Николай ДОРОШЕНКО Наш русский Катон О книге стихов Николая Беседина «Искушение надеждой»

Плет двадцать тому назад на одной из наших писательских встреч поэт Геннадий Иванов познакомил меня с поэтом и прозаиком Николаем Бесединым, мне показавшимся очень уж похожим на скульптурное изображение того «римлянина из Отриколи», который традиционно отождествляется с Марком Порцием Катонем Старшим. Причем, более всего это сходство мною обнаружилось в очень уж характерном, с первого взгляда запоминающемся выражении его лица.

Затем, погружаясь уже и в поэзию Николая Васильевича Беседина, я вынужден был опять о Катоне вспомнить. Как оказалось, схожесть я обнаружил также и в их, скажем так, исторических судьбах.

Да, все самодостаточные цивилизации, даже и отстоящие одна от другой во временном пространстве на тысячелетия, в пору своего благополучия отличаются одна от другой лишь своими политическими устройствами и жизненными укладами, а вот исчезают они с лица земли от одного и того же недуга — от вырождения и разложения своих элит. Но если во все времена одни одинаково ищут себе выгоды даже и от приближающейся катастрофы, то другие, как Катон

и Беседин, одинаково пытаются процессам разложения противостоять любой ценой. Например, Плутарх так характеризует одно из выступлений Катона Старшего: «...открыто с ораторской трибуны обличая погрязших в пороке, он кричал, что городу потребно великое очищение, и настоятельно убеждал римлян, если они в здравом уме, выбрать врача (т.е. госчиновника — Н.Д.) не самого осторожного, но самого решительного...». И словно бы уточняя продолжением этого политического выступления Катона, упоминаемого Плутархом, являющиеся вот эти поэтические строки Беседина:

*Если мы не смиримся в бессилье
И отринем вселенское зло,
Значит мы ещё дети России,
И Победа встанет на крыло.*

А поскольку в мои «античные святцы» входит также и Марк Порций Катон Младший (правнук Катона Старшего), ставший у римлян символом защиты республиканских традиций от триумвирата, претендовавшего сосредоточить всю власть в своих руках, то невольно мне пришлось обнаружить, что в восприятии нынешнего нашего цивилизационного сломана Николай Беседин вполне подобен еще и Катону Младшему, которого Гай Саллюстий Крисп охарактеризовал так: «Он соперничал

не в богатстве с богатым и не во власти с властолюбцем, но со стойким в мужестве, со скромным в советливости, с бескорыстным в воздержности. Быть честным, а не казаться им, предпочитал он». А соратник Катона Младшего Цицерон свидетельствует о нем даже и более красноречиво: «Он высказывается так, словно находится в «государстве» Платона, а не среди подонков Ромула». И то же самое можно сказать о Николае Беседине, не смиравшемся с предательством властных элит и превращением России (Третьею Римом) в третьестепенный субъект нового мирового порядка:

*О, сколько душ пожертвовано злату,
Химере власти, колдовской любви!
Какая же чудовищная плата
За Божий храм, стоящий на крови!*

Но особое внимание следует обратить на различие между язычником Катонем Младшим, являющимся приверженцем стоической философии и потому, при осознании своего поражения, пронизавшим себя мечом (дабы все-таки самому расправиться своей судьбой!), и нашим православным христианином Николаем Бесединым, вручившим свою судьбу воле Божьей: *Раб Божий. И превыше званья нет.
Не генерал, не член французской ложы,*

*Не замминистра,
даже не поэт,
А просто раб.
Не чей-нибудь,
а Божий.*

Именно потому, что нерушимую крепостью у Николая Беседина остается только его собственная бесмертная душа, слово его подобно разящему мечу. И как христианин он, не поддаваясь унынию, уступает лишь «искушению надеждой»:

*Сколько раз
под звездой Козерога
Наших дней
исчезала дорога,
Сколько раз
возникла она...*

Но только ли вот это искушение надеждой позволяет нашему старшему русскому поэту Николаю Беседину сохранять свою внутреннюю, точнее, свою благодатную свободу?

Для себя ответ на этот вопрос я нахожу в его вот этих строках:

*Вновь дожди позовут косые,
Васильковая синь в полях.
Я опять возвращусь в Россию,
С пересадкой на небесах.*

Хотя и до «пересадки на небесах» его душа-христианка ощущает себя насильницей вечного времени:

*Бесконечна печаль уходящего,
Лишь немного память хранит.
Зимний вечер, безмолвные звенящие.
Это вечность с душой говорит.*

*Не замминистра,
даже не поэт,
А просто раб.
Не чей-нибудь,
а Божий.*

Именно потому, что нерушимую крепостью у Николая Беседина остается только его собственная бесмертная душа, слово его подобно разящему мечу. И как христианин он, не поддаваясь унынию, уступает лишь «искушению надеждой»:

*Сколько раз
под звездой Козерога
Наших дней
исчезала дорога,
Сколько раз
возникла она...*

Но только ли вот это искушение надеждой позволяет нашему старшему русскому поэту Николаю Беседину сохранять свою внутреннюю, точнее, свою благодатную свободу?

Для себя ответ на этот вопрос я нахожу в его вот этих строках:

*Вновь дожди позовут косые,
Васильковая синь в полях.
Я опять возвращусь в Россию,
С пересадкой на небесах.*

Хотя и до «пересадки на небесах» его душа-христианка ощущает себя насильницей вечного времени:

*Бесконечна печаль уходящего,
Лишь немного память хранит.
Зимний вечер, безмолвные звенящие.
Это вечность с душой говорит.*